

УДК 159.9.01

О СУБЪЕКТНОСТИ СУБЪЕКТА ДЕЙСТВИЯ, ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

д-р психол. наук, проф. С.П. ИВАНОВ, О.С. ТУМШАЙС
(Смоленский государственный педагогический университет)

Рассмотрены задачи методологической проработки многих понятий, более точного определения их собственно психологической нагрузки, которые в психологии значительно актуализировались. Решение этих задач существенно для понимания избираемого исследователями уровня абстракции и более корректного разведения близких, но не тождественных понятий. Настоятельная потребность в обсуждении этого аспекта выявляется в анализе трактовок психологами и педагогами субъектности.

Нарастающая для науки актуальность проблемы развития человека как субъекта деятельности во многом определена ситуацией «излома» культуры [1]. Ее разнообразные стороны свидетельствуют о кризисе цивилизационного по типу развития субъекта-Социума. В этих условиях важным результатом переосмысления и переопределения людьми цели производства и воспроизводства субъектного потенциала на всех уровнях организации общественной жизнедеятельности является обращение к поликультурному взаимодействию. Связанные с данной тенденцией современного общественного развития актуализация самоопределения, усиление процессов дифференциации и одновременно интеграции, разворачиваемых субъектами социокультурного пространства «на себя» (с необходимой для их конструктивной реализации проработкой), потребовали от научного сообщества существенного пересмотра психологической нагрузки ранее действующих в системе социальных отношений ментальных регуляторов жизнедеятельности - смысловых установок, ценностных представлений, социальных ожиданий и др. [2 - 4].

В анализе условий, механизмов, факторов, определяющих течение глобального кризиса, людьми принципиально по-новому осознается особая роль культурного «пласта» в изменении исторически конкретного содержания пространства действия субъекта (общества в целом; социальных институтов, общественно-государственных объединений, групп разной общности, индивидуального субъекта).

Многие видные ученые отмечают, что в условиях глобального кризиса возросло внимание гуманитарных наук к проблематике культуры, являющейся многоплановым и многокачественным явлением. В психологических исследованиях эта общая для науки тенденция выразилась в растущем интересе к проблемам наследия, социального опыта, к межпоколенным отношениям, связующим Детство и Взрослость, к миру Детства и миру Взрослости (в их субъектной определенности) и другим [4-6].

Можно сказать, что психология, свыше 50 лет работающая на другой, более безопасной территории (мышления, способностей, речи, возраста), что было вызвано жестким действием тоталитарного режима, вновь попыталась вернуться в ту область исследований, которая изначально предоставляет неоценимые возможности для осмысления закономерностей психологии человека и его деятельности. Снятие идеологического давления в постсоветский период привело к тому, что тема культуры для многих научных дисциплин приобретает познавательную нагрузку своеобразного «стержня» [7-9], вокруг которого учеными выстраивается довольно широкий круг теоретических обобщений, имеющих эвристическую ценность.

Культурный «акцент» стал свойственным многим работам гуманитарной направленности (по психологии и педагогике, лингвопсихологии и психолингвистике, по филологии и философии и т.д.). В известном смысле упоминание о культуре, использование этого понятия и взаимосвязанных с ним других являются в наши дни своего рода «знаком», предопределяющим понимание «современности» и «полезности» ведущихся исследований [10]. К этому явлению можно относиться скептически, что нетрудно, но все же этот факт заставляет задуматься о более глубоких причинах, побуждающих исследователей обращаться к проблеме культуры и взаимосвязанным с ней другим, не менее фундаментальным, решения которых ищут в психологии развития, психологии творчества, акмеологии, психологии воспитания, лингвопсихологии и во многих других дисциплинах.

В чем уже сейчас можно увидеть ценность научной проработки психологического содержания, механизмов развития, общего действия культуры в системе «человек - мир»?

Во-первых, в том, что отмечаемый взрыв интереса ученых к культуре в то же время обернулся более острой коллективной рефлексией, анализом имеющихся теоретических решений проблем: личность, деятельность, сознание [11 - 13].

Во-вторых, в том, что научный мир осознал продуктивность междисциплинарных исследований, для ведения которых потребовалось отказаться от «моновидения» и перейти в режим более широкого

научного взаимодействия, диалога, дискуссии [14, 15]. Междисциплинарность и диалогизм потребовали от исследователей также умения понимать другие точки зрения, не отбрасывать некритично то ценное, что наработано в смежных дисциплинах, других научных школах.

В психологии все это отразилось в познании проблемы развития субъекта как целого [16, 17], в возвращении нескольких устойчивых тематических линий - культура и цивилизация, культура и человек в пространстве культуры, культура как среда, определяющая многоуровневую систему отношений взаимодействия субъекта действия [4]. В их проработке по-новому решается проблема самоопределения и выбора, анализируется исторически выработанная людьми программа саморазвития деятельности и ее субъекта (Социума, общности и т.д.).

В-третьих, интерес к проблематике культуры сыграл немалую роль и в осознании учеными методологического кризиса науки, многие объяснительные схемы которой, как известно, усложнились настолько, что оказались неработающими [18, 19]. Образно можно заметить, что культура, всматриваясь во все новые научные тексты, постоянно выходила за набрасываемые на ее образ «рамки теоретизирования». И в наши дни культура вновь демонстрирует такие смысловые свойства, которые ставят и ученых и практиков перед новыми вопросами и загадками.

Одной из таких заданных в последние десятилетия исследователям загадок выступает тема субъектности - субъектности субъекта деятельности как целого. О том, что этот аспект саморазвития человека как субъекта в пространстве культуры все сильнее притягивает внимание психологов, философов, культурологов, социологов, педагогов и представителей других научных дисциплин свидетельствует их обращение в анализе разных в своей значимости проблем к субъектно-деятельностному подходу, чьи основания закладывались трудами С.Л. Рубинштейна, Б.Г. Ананьева, К.А. Абульхановой-Славской, А.В. Брушлинского и других ученых.

В наши дни позиция сторонников субъектно-деятельностного подхода реализуется во все более широком круге конкретно-научных исследований, направленных к изучению, теоретической проработке субъектных свойств, качеств, механизмов становления человека как субъектной стороны деятельности. В психолого-педагогической науке исследования данного направления заняли ведущее положение - все большее число психологов и педагогов не только ссылаются на принципы субъектно-деятельностного подхода, но все более глубоко стремятся раскрыть понятия «субъект», «субъективность», «субъектность», «активность субъекта», «позиция субъекта» и многие другие, образующие в совокупности «работающее поле» ведущихся теоретических изысканий.

Опора на субъектный принцип [2] позволила психологам и педагогам по-новому подойти к осмыслению проблем творчества, мышления, обучения и развития, воспитания, более объективно и четко определить закономерности развития и саморазвития личности, раскрыть и обосновать продуктивные технологии образования. Вместе с тем в движении мысли ученых «к субъекту» открылось и другое обстоятельство - понятия стали утрачивать свою особенность, более того, все чаще в научных публикациях стали их подменять, смешивать, употреблять рядоположенно. На рубеже столетий это явление (а оно продолжает *быть*) приобрело такой размах, что видными психологами (К.А. Абульхановой-Славской, А. Г. Асмоловым, А.В. Брушлинским, В.П. Зинченко, И.А. Зимней, А.А. Леонтьевым, А.В. Петровским, В. А. Петровским, Д.И. Фельдштейном, В.Э. Чудновским, Н.И. Чуприковой, Б.Д. Элькониним и другими) с новой остротой стали подниматься вопросы, связанные с методологией познания субъекта деятельности. В дискуссиях и диалогах по проблеме субъекта деятельности выявилось несколько устойчивых точек зрения на трактовку тесно взаимосвязанных понятий «субъект», «субъектность», «субъективность».

Во-первых, резко дифференцировались два понимания субъекта.

В одном случае, понятие «субъект» определялось традиционно, с сильной «привязкой» его к общенаучному (философскому) наполнению - «subjectus» (лат.) - лежащий внизу, находящийся в основе, носитель предметно-практической деятельности и познания (индивид или социальная группа), источник активности, направленной на объект [20]. Этот же взгляд побуждал говорить о необходимости точной операционализации этого наиболее общего понятия, о том, что существует необозримая дистанция от высокой научной абстракции к практическому ее преломлению, которое только и имеет смысл. Нельзя не сказать, что упрощенное понимание этой дистанции вылилось в то, что нашлись молодые последователи, взявшиеся подвергать теорию деятельности А.Н. Леонтьева ревизии. Впрочем, «ревизионированием» в 90-е годы XX столетия «прошлись» не только по теории деятельности, но и по истории становления отечественной психологии. То, что вышло из вольной трактовки ряда глубоких в эвристике теоретических достижений теперь уже известно как анекдот. Но эта же позиция имела иной, чем, видимо, предполагали те, кто взялся пересматривать фундаментальные теории отечественной психологии, результат. Возвращаясь к теме субъектности субъекта, важно выделить два события, оказавших позитивное влияние на новейшие исследования. Так, в 1997 г. вышла в свет коллективная монография «Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории», авторы которой (А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, Ю.Н. Олейник, Б.Н. Тугайбаева), подводя итоги более

чем двадцатилетней работы, вновь четко раскрыли суть понимания объективности субъективного и историю анализа процесса становления субъекта формообразующей и самоустраемленной объективной силой. В этой и работах других авторов можно увидеть, как получает развитие позиция С.Л. Рубинштейна, намеченная им в статье 1922 г. «Принцип творческой самостоятельности». Позднее, в 2003 г., Президиум РАО поставил одной из кардинальных задач современной психологической науки разворачивание исследований, направленных по пути дальнейшего развития теории деятельности, отметив, что углубленный анализ *действия приобретает* роль реального методологического «ключа» в объяснении *субъектности субъекта*.

В другом истолковании понятие «субъект» получало иную определенность - субъект приобретал значение «высший уровень развития человека». Принимая эту позицию, психологи ставили задачу изучения условий, механизмов, закономерностей восхождения человека к точке «быть субъектом», где только и возможно действовать (в марксовской логике) - свободно, творчески, ответственно.

Данный взгляд также придавал особую ценность процессу развития субъектной стороны деятельности. Развитие представляло как саморазвитие, субъект обретал свою подлинную трактовку, выступая в этом сложном процессе как *автор действия*.

Работы этого направления создали некоторое условие для построения интегральных теорий, сближения отечественной и зарубежной психологических наук [6, 21 - 22]. В то же время именно сторонниками этого второго варианта интерпретации понятия «субъект» был поставлен вопрос о необходимости обсуждения сопряженности многих психологических понятий, приведения привычной сетки понятий и категорий к новому виду, в котором были бы точно определены *рабочие метапонятия*.

Субъект в такой его смысловой трактовке, как ни парадоксально, но все же реально приобретал роль обобщающего образа. При этом высокий уровень абстракции теперь уже метапонятия «субъект» вновь заострял вопрос о том, как именно и через какие именно сопряженные понятия далее его операционализировать в психологическом анализе многих актуальных для психологии проблем. Понимание сложности этой объективно вставшей задачи, а также и своего рода по-иному выполненное в операционализации редуцирование понятия «субъект» ко многим ранее принятым (например, «субъект как личность») вновь вызвали к жизни тему кризиса психологии. Появились и соответствующие публикации, авторы которых размышляют о возможности поиска «утраченного» субъекта.

Во-первых, говоря о дифференциации в наши дни определений субъекта, субъективности и субъектности в психологии, следует отметить, что на пути переосмысления человека как субъекта деятельности исследователи неизбежно раскрывали жизненное психологическое содержание понятия «субъект». Вероятно, примерами такого (заметим, не всегда прямого, подобного чистой декларации) прочтения субъектных характеристик человека на сегодняшний день являются работы К.А. Абульхановой-Славской, М.Р. Гинбурга, В.П. Зинченко, В.А. Петровского, В.И. Слободчикова, Д.И. Фельдштейна, Г.А. Цукерман, В.Э. Чудновского, В.Д. Шадрикова, Б.Д. Эльконина и других. Особенностью и одновременно методологически ценным «срезовым» для углубленного изучения проблемы субъект деятельности здесь являются раскрытые и эвристически объясненные этими учеными условия проявления человеком своей субъектной природы. Это наиболее ярко отражено в психологическом анализе саморазвития и самореализации субъекта (деятельности, поведения, общения, познания, действия, взаимодействия, жизненного пути).

Полифония в обсуждении аспектов субъектной сущности человека, различное прочтение «субъектности», как можно считать, все же концентрируется вокруг представлений об активности, жизненной целостности и цельности субъекта, организующего *развитие как саморазвитие в пространственно-временных координатах культуры*. И вовсе не случайно существенно разнящиеся по задачам, уровню обобщения, предлагаемым решениям психологические работы по проблеме субъект деятельности, выстраиваются в некоторой общей логике научной мысли, выделяющей *формообразующую функцию действия субъекта*. *Формообразование* (явно или же не столь явно) все чаще выступает в теоретическом анализе субъектности смыслообразующим фактором.

Обобщая наиболее продуктивные работы психологов, можно увидеть, что действие, саморазвитие, формообразование следует рассматривать в качестве системно связанных способов бытия-существования. Их реализация человеком на всей дистанции онтогенеза служит условием «быть» субъектом, выявляя свою сущность, предназначение и в такой особой в своей психологической нагрузке родовой форме как субъектность. Субъектность под этим углом зрения приобретает смысл *фундаментальной психологической характеристики человека как субъекта деятельности, анализ которой способен приблизить нас к его пониманию как целого, включенного действием в социокультурный контекст* [23].

Данная позиция является площадкой многих работ последнего времени (В.А. Петровский, Е.В. Улыбина, Г.А. Цукерман, Н.И. Чуприкова и др.). В то же время не следует считать, что сделанный выбор обернулся для психологической науки в виде некоторого простого и ясного решения вопроса о понимании субъектности. Это хорошо прослеживается в дискуссиях, предметом которых являются экспериментальное изучение развития субъекта деятельности, творческая самостоятельность субъекта, источники объективности образа мира и другое.

Понимание субъектности, субъективности, субъекта является тем «срезом» вырабатываемых психологической наукой теорий, в котором выявляется их практическое значение, наконец, способность выйти на такой уровень обобщений, который явился бы равным закону. Именно в решении этой методологической задачи выявляется «разрешающая способность» и практическая ценность ведущихся новых исследований. Не останавливаясь подробно на наиболее известных взглядах на существо субъектности, имеет смысл выделить позицию академика А. А. Бодалева [24]. Им показано, что в анализе развития человека как субъекта следует учитывать взаимодействие индивидуального, личностного и субъектно-деятельностного начал, образующих целостность человека. Он считает, что во взаимообуславливании этих линий развития, образуются определенные инварианты: 1) индивидуальное развитие человека значительно опережает его личностное и субъектно-деятельностное развитие; 2) личностное развитие человека идет более интенсивно, чем его индивидуальное и субъектно-деятельностное развитие; 3) субъектно-деятельностное развитие лидирует по сравнению с двумя другими ипостасями человека; 4) достаточно выраженное соответствие темпов индивидуального, личностного и субъектно-деятельностного развития - создается индивидуальный субъект как индивидуальность. Границы статьи не позволяют детально останавливаться на этой позиции, но кратко приведенное решение А.А. Бодалева дает возможность увидеть причину нестыкованности между собой привычных и широко используемых в психологии и педагогике трактовок субъектности.

Так, в целом ряде работ субъектность прямо и безо всякого серьезного обоснования отождествляется с концепцией Я, личностью, индивидуальностью и т.д. Например, находим (цитируем, не указывая авторов, поскольку приводятся часто встречающиеся взгляды):

«Направленность личности на педагогическую деятельность влияет на содержание самооценочных представлений **субъектов профессионализации** (здесь и далее выделено нами - С. И., О. Т.) и сопряжена с наличием у них комплекса специфических личностных качеств...» (из гипотезы, 1999 г.);

«исследованы проблемы развития субъектной представленности индивидуальности будущего педагога на различных этапах профессионального становления, динамики развития личностного смысла и мотивации обучения в педагогическом вузе» (из дис. иссл., 2002 г.);

«...Субъектный подход определяет прежде всего круг вопросов **самодетерминации личности...**» (из дис. иссл. 2003 г.);

«Начиная с классических работ У. Джемса в понятие Я-концепции закладывалось не только актуальное самопредставление, но и то, как сам **индивид** оценивает возможности своего развития в будущем... <...> фактически за все время активного эмпирического освоения проблематики Я-концепции, идея **субъективной** «временной развертки» самопредставлений оставалась некоторой константой... (из теорет. ст. 2001 г.);

«Мы говорим об индивидуальности в каких-то терминах. Итак, получается, что говорим одно, а подразумеваем другое. Говорим об индивидуальности, а практически понимаем субъектность... (из стенограммы московского методологического кружка, 2001 г.)

Не стоит умножать примеры, чтобы признать: в психологии нашего времени интуитивное понимание субъектности субъекта как особого предмета познания и важной психологической характеристики саморазвития людей наталкивается на привычный ход построения теоретических схем, дихотомию - биологические основы субъекта - социокультурные основы субъекта прорабатываемую на той или иной глубине. В итоге описание субъектности ведется на языке описания какой-либо другой реальности. В каких-то отношениях это срабатывает, но в большинстве случаев такая операционализация дает сбой. В результате многие глубокие эмпирические исследования заметно утрачивают свою ценность в их теоретическом обобщении.

Равно ли данное замечание очередному указанию на кризис психологической науки, бессильно остановившейся перед таким сложнейшим предметом познания, как субъектность? Если все же «нет», то, двигаясь по какому пути, стоит искать выход из кратко очерченной выше ситуации?

Постараемся ответить на второй вопрос, так как осознание проблемы уже есть ее частичное решение, а кризис и слабая проработка какой-либо проблемы все же, как мы убеждены, следует воспринимать как свидетельство развития науки.

О пути, на котором возможно приблизиться к определению субъектности. Это - субъектно-деятельностная парадигма, преломляемая в определении человека как субъекта социокультурного пространства. В таком решении видение субъектности субъекта как предмета познания существенно иное, поскольку здесь возникает изначально другая и более ясная точка отсчета для диалога разных теоретических направлений: взаимодействие - событие - действие.

Субъектность в таком решении может и должна получить свою определенность, поскольку в этом случае снимается сама возможность ее «натуралистического» изучения, чем славна, как известно, естественнонаучно выстроенная психология (классическая психология). В ее логике создаваемый для изучения человека инструмент уже есть модель решения вопроса о предмете. В этом случае психологическое познание человека как целого оборачивается расщеплением этого целого (напомним точное высказывание Е.А. Климова о том,

что «психология разламывает свою игрушку»), соотносением реального человека, взятого в его жизненных проявлениях, с мерой, на которой построено экспериментальное изучение, с моделью, например, диспозицией черт, структурой качеств, системой свойств. Исследование превращается в оценку: предмет либо «впишется» в инструмент и его шкалы, либо нет. В первом случае мы радуемся нашедшемуся в экспериментальном факте всеобщему (теоретизируемые нами личность, индивидуальность, индивидуум и др.). Во втором, не сомневаясь, говорим об особенном как о проявлении на фоне этого уже заранее известного нами всеобщего индивидуального своеобразия человека как познаваемого предмета. В любом случае, стоит отметить специально, натуралистически ориентированный исследователь, вооруженный все более мощными методиками, минует очень важный момент - саморазвитие субъекта (добавим - саморазвивающейся деятельности, поскольку не существует изначально «никому-не-принадлежащей» деятельности). И здесь не спасает ни какая из стратегий изучения человека: генетически эволюционная, стратегия срезов. В сделанном замечании не стоит усматривать попытку показать слабость других подходов или же найденных решений. Речь идет о поиске новых, более продуктивных путей осмысления целостного и цельного субъекта, действующего в социокультурном пространстве и преобразующего активным действием его человеческое содержание и себя в нем как человека.

Субъектность в том случае, если мы пытаемся понять этот предмет как проявление целостности человека и человека как целого, требует своего особого определения, во взаимосвязи с реальным действием, взаимодействием. И такое определение помогают выработать тексты М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорского, С.Л. Рубинштейна, В.И. Слободчикова, Д.И. Фельдштейна, П.П. Флоренского, Д.Б. Эльконина, Б.Д. Эльконина и других. Субъектность, если обобщить многие и многие взгляды, прежде всего отечественных ученых, на проблему субъекта деятельности, есть *психологически особое состояние* человека как целого. В этом состоянии запечатлены общее и особенное, потребность субъекта во взаимодействии разного уровня и на всей дистанции развития субъектных свойств (от периода детства до завершения позднего возраста), способность к преобразующему творческому по типу (субъектному) действию, которым при определенных условиях взламывается достигнутая форма и одновременно выстраивается, создается новая. Выход в действие, взаимодействие в преобразование наличной ситуации, конечно же, требует напряжения всех сил субъекта, целеполагания, выбора, способности отказаться от привычных схем поведения. Требуется он и напряженной проработки в сознании всего того, что можно определить вопросом «Что есть я?». Субъектность определяется человеком в ответе на этот вопрос, что требует выхода на это свое «Я» через созерцание, в котором реальное «Я» предстает как реальное и в котором нет ничего иного. В этом смысле субъектность - *форма культуры*, создаваемая человеком «для себя» и направляемая в актах созерцания «на себя». В другом смысле субъектность - преодоление границ «Я», когда всматривающийся «в себя» субъект попадает в режим особого взаимодействия, в пространство «между», и потому субъектность может быть осмыслена как *момент перехода к себе как к иному, новому*. Отсюда понятно, что субъектность есть такое *состояние*, потенциал которого обеспечивает определенную дистанцию трансцендирования «я» субъекта по вектору «конечное - бесконечное».

Так, вращение ребенка в мир культуры, освоение им опыта поколений можно увидеть как процесс его перехода от реальной формы культуры к идеальной форме, разворачивание которого возможно лишь при условии трансляции опыта от мира Взрослых к миру Детства. Субъектность под этим углом зрения есть некоторая точка (область перехода) дистанции развития субъекта деятельности (если мы говорим о субъекте-Социуме, то это точка на оси истории; для онтогенеза - точка взросления в цепи события становящегося субъекта). В постоянном переходе таким образом развивается сущность субъекта действия, в цепи переходов из формы в новую форму (из внешнего во внутреннее) и в созерцании «я» как части пространства взаимодействия рождается продуктивное подлинно субъектное действие - поступок (А.Г. Асмолов, М.М. Бахтин, В.П. Зинченко, В.А. Петровский, Э.В. Сайко), в котором всегда есть определенная мера связи всеобщего и особенного. В этом смысле поступок всегда индивидуален и в нем же (равно как и в субъектности) «снимается» тема первичности биологического или социального (социокультурного) и проявляется другая - тема смысла, осмысленности действия. Но это - уже другая вовсе тема.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. - М.: Языки русской литературы, 1998. - 205 с.
2. Абульханова К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. - М., 1989.-313 с.
3. Розин В.М. Психология и культурное развитие человека. - М., 1994. - 234 с.
4. Фельдштейн Д.И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды. - М., 1999. - 276 с.

5. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Л.С. Выготский и современная культурно-историческая психологии (критический анализ книги М. Коула) // Вопросы психологии. - 2000. - № 2. - С. 15-21.
6. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). - М., 1994. - 321 с.
7. Асмолов А.Г. Проблемы психологии субъекта. - М., 1994. - 198 с.
8. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. - М., 1986. - 265 с.
9. Иванов С.П. Субъект действия в пространстве историко-культурной ситуации развития // Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты. - М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. - С. 54 - 70.
10. Улыбина Е.В. Обыденное сознание: структура и функции. - Ставрополь, 1998. - 243 с.
11. Зинченко В.П. От классической к органической психологии // Вопросы психологии. 1996. - № 5. - С.23 -29.
12. Субъект действия, взаимодействия, познания. Психологические, философские, социокультурные аспекты. - М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. - 187 с.
13. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. - Ростов н/Д, 1996. - 298 с.
14. Дилигенский Г.А., Лекторский В.А. Проблемы целостного мира // Вопросы философии. - 1990. - № 12. - С. 24 - 31.
15. Арнольдов А.И. Человек и мир культуры. - М.: МГИК, 1992. - 201 с.
16. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекопознания / Под ред. А.А. Бодалева. - М., 1996. - 234 с.
17. Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э.В. Сайко - М: Наука, 2002. - 256 с.
18. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. - М., 1991. - 269 с.
19. Юревич А.В. Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. - 1999. - № 2. - С. 34 - 39.
20. Советский энциклопедический словарь. - С. 1294.
21. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение. - М., 2000.-432 с.
22. Слободчиков В.И., Цукерман Г.А. Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. - 1996. - № 5. - С. 24 - 34.
23. Сайко Э.В. Субъект и субъектная составляющая в становлении и культурно-историческом выполнении пространственно-временного континуума социума // Человек как субъект культуры / Отв. ред. Э.В. Сайко - М: Наука, 2002. - С. 13-42.
24. Бодалев А.А. О взаимодействии индивидуального, личностного и субъектно-деятельностного развития взрослого человека // Мир психологии. - 1999. - № 2. - С. 26 - 37.